

Цуёси Хасегава

Самосуды в Петрограде и русская революция

(МАРТ 1917 ГОДА — МАРТ 1918 ГОДА)

Tsuyoshi Hasegawa

Samosudy in Petrograd and the Russian Revolution, March 1917—March 1918

Цуёси Хасегава (Университет Калифорнии в Санта-Барбаре, факультет истории, заслуженный профессор; PhD) thasegawa@ucsb.edu.

Tsuyoshi Hasegawa (PhD; Professor Emeritus, Department of History, University of California at Santa Barbara) thasegawa@ucsb.edu.

Ключевые слова: самосуды, механическая солидарность, органическая солидарность, толпа

Key words: samosudy, mechanical solidarity, organic solidarity, crowd

УДК: 94.4

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_170

UDC: 94/4

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_170

Статья посвящена исследованию реакции людей на катастрофический развал системы уголовного правосудия, выразившийся в широком распространении самосудов. Автор анализирует, где происходили самосуды, кто в них участвовал, против кого были направлены эти расправы и как частота случаев самосуда соотносилась с политическим и социальным развалом. Это исследование подчеркивает важность изучения городской бедноты, которой историки не уделяли должного внимания. Рассматриваются и политические последствия самосуда. Большевики приветствовали самосуды как выражение народного гнева на Временное правительство и использовали их как средство для продвижения к власти. Однако после Октябрьской революции самосуды не прекратились, став еще более многочисленными и масштабными. Не в силах остановить их, большевистский режим счел самосуды контрреволюционными и поручил борьбу с ним ВЧК. Таким образом, самосуды послужили плацдармом для установления авторитарной власти большевиков.

This article attempts to examine people's reactions to the catastrophic breakdown of the criminal justice system expressed in widespread samosudy. It analyzes where samosudy took place, who participated in them, at whom samosudy were directed, and how incidence of samosudy corresponded with political and social breakdown. This analysis underscores the importance of the urban poor that historians have neglected to examine. It further examines the political implications of samosudy. The Bolsheviks welcomed samosudy as the expression of people's anger for the Provisional Government, exploiting them as a vehicle for their road to power. Samosudy, however, did *not* stop after the Bolshevik revolution, but further expanded in number and in scope. Unable to stop them, the Bolshevik regime considered samosudy to be counterrevolutionary, and assigned the Cheka to deal with them. Samosudy served as a springboard for the establishment of the Bolshevik authoritarian rule.

4 марта 1917 года, по мнению многих современников, Россия возродилась, завершилась Февральская революция. Царь Николай II отрекся от престола, и на смену старому режиму пришло новое Временное правительство. Представители всех слоев общества вышли на улицы Петрограда, охваченные счастьем, совершенно незнакомые люди приветствовали друг друга, как на Пасху [Колоницкий 2012: 57–87].

Через год у власти оказались большевики. В годовщину Февральской революции не было никаких торжеств. Ни демонстраций, ни транспарантов, ни речей. Улицы были пустынные. Все, кто выходил под серое, гнетущее небо, мол-

ча спешили домой, закрывали лица воротниками шинелей, надвигали шапки на глаза, чтобы никого не видеть¹.

Как могли надежды марта 1917 года так быстро обернуться горьким разочарованием? Ответ кроется в катастрофическом социальном кризисе, последовавшем за Февральской революцией. Временное правительство ликвидировало систему уголовной юстиции, но новая система, созданная им, не смогла обеспечить безопасность жизни и имущества простых людей². Старая полиция при царизме не только поддерживала порядок, но и выполняла многочисленные муниципальные функции, такие как регистрация жителей и выдача справок, санитарная проверка заведений общественного питания, уборка улиц и обеспечение сбора мусора и отходов жизнедеятельности, проверка проституток на венерические заболевания и т.д. Неэффективность новой системы означала парализацию этих важнейших муниципальных служб.

Улицы, даже некогда нарядный Невский проспект, стали грязными, пыльными, заваленными мусором, отбросами, шелухой от семечек. Во дворах скапливались неубранный мусор и человеческие отходы, наполняя воздух едким запахом [Николаев 2015: 145–147]. Среди бела дня повсюду бегали крысы. Не имевшие никаких разрешений уличные торговцы продавали непроверенную еду и напитки, часто отравляя покупателей. Старинные статуи греческих богинь в Летнем саду стали мишенями для хулиганов. Распространялась эпидемия азартных игр, в них играли не только в дорогих частных клубах, но и во дворах, темных задворках и прямо на улицах, а иногда и в парках, и на открытых площадках. В театрах разыгрывались порнографические сцены. Процветала деятельность нелегальных проституток, распространявших венерические заболевания. Бульварные газеты сообщали о многочисленных случаях передозировки кокаином [Hasegawa 2017: 54–64, 105–106].

Помимо социального кризиса, население испытывало и экономические трудности. Февральская революция началась с требования работниц обеспечить снабжение хлебом, но реальный дефицит продовольствия начался только после революции. Цены на продукты питания и товары повседневного спроса резко возросли. Люди преодолевали большие расстояния до рынков, чтобы купить продукты, выстаивая многочасовые очереди [Аксенов 2002: 119–120, 132–134, 136–138; Hasegawa 2017: 71–73, 76–78].

Рост преступности

Наиболее серьезной угрозой для горожан стал экспоненциальный рост преступности. В геометрической прогрессии росло не только количество преступлений, но и их жестокость. Количество краж увеличилось со 190 в апреле до 689 (май), 788 (июнь), 857 (июль), 1277 (август), 1271 (сентябрь) и 1170 (по 20 октября)³ [Ерещенко 2003: 112]. Уже в конце апреля — начале мая крупные кражи стали

1 Вечернее слово. 1918. 23 марта (3 апреля).

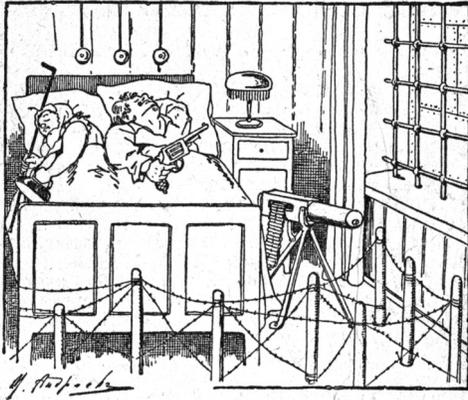
2 О неэффективности городской милиции, созданной городской думой, см.: [Hasegawa 2017: 116–137, 141–158; Хасегава 2001]. О преступности и полиции в годы революции и Гражданской войны в России см.: [Мусаев 2000; 2001].

3 Эти цифры приблизительны, так как в прессе и милиции было больше сообщений о таких случаях.

настолько частыми, что «Петроградский листок» решил создать новую рубрику «Столичные хищники». 16 июня газета информировала читателей о более чем сорока заявлениях о кражах в течение суток. С чувством тревоги пресса сообщила о «небывалой анархии»⁴. Накануне Октябрьской революции «Петроградский листок» сообщил о более чем восьмистах зарегистрированных кражах за предыдущие 48 часов⁵. В переполненных трамваях процветали карманники, о преступлениях которых часто не сообщалось.

Пугающе возросло число грабежей, при которых жертвам угрожали или нападали на них. Если в 1915 году в среднем регистрировалось 5,3 случаев в месяц, то в апреле число грабежей возросло до 8, в мае — до 11, в июне — до 13, в июле — до 18, в августе — до 27, в сентябре — до 30, к 20 октября — до 43 [Там же: 123]. Наиболее пугающим аспектом преступности в Петрограде стал рост числа убийств. По данным, с марта по 20 октября было совершено 163 убийства, в среднем по 18,1 убийств в месяц. Особенно увеличилось количество убийств после августа — 19 в августе, 34 в сентябре и 53 в октябре [Там же: 126].

Одно из самых громких убийств произошло в октябре, когда в здании, где располагался второй комиссариат милиции Лесной части, были зверски убиты дворник Петров, его жена и трое маленьких детей. Поползли слухи о причастности милиции к этому убийству, и вскоре у комиссариата милиции собралось более тысячи возмущенных жителей, которые заблокировали машину, перевозившую тела погибших на вскрытие. Для разгона толпы пришлось вызывать военные части⁶.



В постели спит семейная пара, вооруженная пулеметом, револьвером и кочергой, спальня окружена колючей проволокой, на окне — железные решетки. Надпись гласит: «При 400 ограблениях за ночь как может спать петроградец?»⁷



Пара на улице сталкивается с безвыходной ситуацией. «Ужас! Сзади грабитель, впереди милиционер!»⁸

- 4 Петроградский листок. 1917. 17 июня.
- 5 Петроградский листок. 1917. 14 октября.
- 6 Петроградский листок. 1917. 2, 4 октября; Газета-копейка. 1917. 5, 6 октября; Вечернее время. 1917. 4 октября. Оказалось, что убийства совершала китайская банда. Роль китайских банд в преступной среде города особенно тревожила горожан.
- 7 Огонек. 1917. 22 октября. № 41. Подпись неразборчива.
- 8 Петроградский листок. 1917. 10 октября. Подпись — Дядя Саша.

Распад системы уголовного правосудия

Преступность угрожала повседневной жизни граждан, а развал системы уголовного правосудия еще больше ее усугублял. Городская милиция была неопытна, часто пополнялась бывшими преступниками и была совершенно не способна справиться с криминалом. Временный суд, созданный Керенским, часто выносил мягкие приговоры преступникам, а когда в августе даже этот суд был упразднен, людям стало некуда обращаться с жалобами. Даже если преступников ловили, охрана тюрем была настолько слабой, что многие заключенные возвращались на улицы [Николаев 2017; Hasegawa 2017: 86–92, 95–96, 133–137]. Профессиональные преступники и дезертиры стекались в столицу, чтобы, воспользовавшись хаосом, совершить свои «подвиги».

Расцвет самосудов

Как люди реагировали на эту катастрофу повседневной жизни? Не доверяя городской милиции, судебной и тюремной системе, они брали закон в свои руки, прибегая к самосуду. Люди ловили карманников и грабителей, толпой окружали их, тут же избивали, иногда расстреливали на месте или бросали в каналы или реки.

20 октября в консервативной газете «Вечернее время» комментатор, писавший под псевдонимом П.Р., рассказал о страшном нашествии преступников в Лесном. Некогда тихий пригород заполонили убийцы и воры, некоторые из них орудовали прямо среди бела дня. Когда грабители врываются в дома посреди ночи, жители знали, что нужно притвориться спящими, опасаясь, что их могут убить. П.Р. описал психологический упадок среди жителей:

— А что делает милиция?

Злобный ответ: милиционеры сами грабят, под боком у комиссариата так же страшно ходить, как в одиночку... <...> ...и те, кого милиция не охраняет, сами становятся преступниками. Это страшная психология, начало немилосердного и чудовищного по жестокости самосуда. Грабители знают, что их ждет в случаях, если они попадутся в руки толпы⁹.

Подобные опасения разделяли и левые. В октябрьском номере газеты «Новая жизнь» Максим Горький писал:

...все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики — люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости. На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут «творить историю русской революции»¹⁰.

13 мая «Петроградский листок» сообщил о трех случаях самосуда за предыдущий день. После этого упоминаний случаев в газетах стало так много, что 20 июня «Газета-копейка» открыла новую рубрику «Сегодняшний самосуд»¹¹.

9 Вечернее время. 1917. 20 октября.

10 Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918). М.: МСП «Интерконтакт», 1990. С. 148. Цит. по: [Аксенов 2002: 58].

11 Петроградский листок. 1917. 13 мая; Газета-копейка. 1917. 20 июня.

На основе материалов газет и архивных источников Д.И. Ерещенко зафиксировал 85 случаев самосуда в период с марта и до Октябрьской революции. Используя похожие источники, я обнаружил еще шесть случаев самосуда [Ерещенко 2003: 171; Hasegawa 2017: 169, 307]. Если не принимать во внимание небольшие статистические расхождения, то несомненно, что в этот период число случаев самосуда неуклонно росло. По данным Ерещенко, в период с мая по июль примерно по одному случаю самосуда происходило каждые три дня. В период с августа по 24 октября — более чем по одному случаю в день¹².

Резкий рост количества самосудов совпал со скачком преступности и отменой временных судов. Есть все основания полагать, что именно эти факторы — беззаконие и невозможность его контролировать — вызывали общественное негодование. Я собрал 86 дел с известными объектами атак, из которых 52 были подозревались в совершении преступлений. Двадцать два из них были мелкими ворами и карманниками, 17 — вооруженными грабителями, не наносившими телесные повреждения, 10 — вооруженными грабителями, наносившими телесные повреждения, двое — убийцами и один — насильником. Среди других жертв самосуда было двенадцать милиционеров, девять торговцев, девять политических противников, двое случайных прохожих и два сотрудника больницы. В основном самосуды применялись либо к лицам, не совершавшим преступлений, либо за мелкие проступки. Редко можно сказать, что наказание соответствовало преступлению.

Практически все случаи самосуда над милиционерами были совершены после августа, что говорит о том, что людям надоела неэффективность милиции в обеспечении правопорядка. Пик нападений на торговцев — семь из девяти — пришелся на июль и август, в октябре произошел только один такой случай, в то время как в августе было четыре продовольственных бунта, а в сентябре — шесть. Большинство политических конфликтов, приведших к самосуду, происходило после июльских дней [Hasegawa 2017: 169–170].

Жестокость и зверство самосудов

Одним из самых пугающих аспектов самосуда была жестокость толпы по отношению к мелким преступникам. Здесь я приведу только один случай, иллюстрирующий жестокость самосуда. 14 октября в один из магазинов на Апраксином рынке вошел мужчина в военной фуражке. Его сопровождали элегантно одетая женщина лет двадцати и молодой человек в солдатской форме. Они украли различные товары, но при попытке скрыться были пойманы. Один из покупателей громко крикнул: «Давайте накажем этих преступников!» Через десять минут у Апраксина рынка собралась толпа из сотен человек, которая блокировала движение трамваев по улицам. Районный комиссар немедленно направил милицию, но толпа потребовала выдать преступников. На место происшествия был направлен отряд солдат, но толпа встретила их враждебно. Толпа бросилась к магазину, ворвалась внутрь и вытащила мужчину в военной фуражке на улицу. Женщина скрылась в телефонной будке, но толпа вытащила и ее на улицу. Мужчина в офицерской форме крикнул: «Не надо цере-

12 По моим данным, с мая по июль происходило два случая самосуда за пять дней, с августа по 24 октября — два самосуда за три дня.

мониться!»), достал револьвер, произвел два выстрела и убил вора в военной фуражке. Через несколько минут другой мужчина из толпы застрелил женщину. Третьего конвоировали в комиссариат, но перед комиссариатом собралась многотысячная толпа, требовавшая выдать его. Милиционеры незаметно перевели его в другой комиссариат. Разъяренная толпа двинулась дальше, разбивая витрины магазинов¹³.

Люди страдали от резкого роста цен на продукты питания и другие товары ежедневного спроса. Разногласия по поводу справедливости цен, обвинения в спекуляции и воровстве были повседневным явлением. Порой эти конфликты перерастали в самосуд.

2 августа в Третий Спасский районный комиссариат поступило сообщение о том, что у склада Беккера на Сенной площади собирается толпа людей, подозревающих, что там хранится большое количество мыла. На место происшествия выехали заместитель комиссара Шариков и несколько милиционеров. После проверки выяснилось, что запасы Беккера легальны, и Шариков организовал продажу мыла людям на улице. Спор о цене привел к дальнейшим разногласиям. По случайному совпадению мимо проходил другой торговец, везший на двух телегах кожаные изделия. Толпа остановила телеги и попыталась конфисковать товар. Шариков проверил документы торговца кожами. Они тоже оказались в порядке, и Шариков признал конфискацию незаконной. Возмущенная толпа «женщин, детей, рабочих и солдат» окружила Шарикова и стала его избивать. Раздавались голоса: «Убейте его, убейте!», «Бросьте его в канал и утопите!». Но возобладали более умеренные элементы. Они решили привязать Шарикова к телеге и привезти в исполком Петроградского совета. Часть толпы отделилась и пошла со своим пленником по улицам, избивая его по пути. Когда они прибыли в Петроградский совет, Шариков был почти без сознания. Его тело было покрыто синяками и порезами, все в крови. В критическом состоянии он был доставлен в больницу. Вернувшись на Сенную площадь, толпа напала на купца-еврея, выступившего против самосуда над Шариковым. Под крики «Бей жида!» толпа решила бросить купца-еврея в реку Фонтанку. Избитый и окровавленный, купец бежал в Третий Спасский комиссариат. Толпа преследовала его, ворвалась в здание комиссариата и попыталась вытащить милиционеров на улицу. Несколькими предупредительными выстрелами милиционеры разогнали толпу. Оставшиеся на Сенной площади люди поймали еврейского мальчика, работавшего на скотобойне, привязали его к телеге и повесили на него таблички «Мародер» и «Эксплуататор». Как и в случае с Шариковым, толпа потащила мальчика по улицам, избивая его по пути. К этому моменту на Садовой улице собрались тысячи людей, которые останавливали трамваи и били стекла. В одном из трамваев молодой человек пытался сдерживать толпу, призывая: «Такое насилие нарушает дух революции и угрожает жителям». Толпа ответила криками: «Он, наверное, еврейский спекулянт. Бей его!» Они ворвались в трамвай и стали избивать юношу. Когда милиция пришла ему на помощь, он был без сознания¹⁴. Этот самосуд имел ярко выраженный антисемитский подтекст.

После июльских событий политические страсти вспыхивали с новой силой, и часто политические дебаты перерастали в самосуды. Кроме того, известны

13 Петроградский листок. 1917. 15 октября; Газета-копейка. 1917. 15 октября.

14 Петроградский листок. 1917. 3 августа; Газета-копейка. 1917. 3 августа.

случаи, когда под самосуд попадал медицинский персонал за якобы неудачно проведенные операции [Hasegawa 2017: 175—177].

Участники самосудов

Кто участвовал в самосудах? Газеты часто называли участников «толпой». Кроме этого упоминалось, что в них участвовали «неизвестные». Хотя люди, составлявшие толпу, скорее всего, навсегда останутся неизвестными, то описания газет позволяют строить осторожные предположения. Хотя толпа состояла преимущественно из мужчин, женщины также активно включались в самосуд, особенно против купцов, которых подозревали в эксплуатации жителей, нуждающихся в продуктах питания и предметах быта.

Есть основания полагать, что толпа состояла в основном из городской бедноты, а не из организованных рабочих или более привилегированных членов общества. Обращение «товарищи», распространенное среди организованных рабочих, не использовалось во время самосудов¹⁵. В свидетельствах современников часто встречается другое слово — «буржуй». Этим термином обозначались все лица, которые не принадлежали к низшему сословию. В ходе самосуда голоса несогласных, призывавших к осторожности и умеренности, часто заглушались криками «Бей буржуев!». В конце июля, когда некий Дубровин, назвавшийся членом исполкома Петроградского совета, попытался остановить самосуд над купцами на Васильевском острове, то его избили, толпа кричала: «Ты буржуй, мы тебя проучим»¹⁶. В отличие от слова «товарищ», использование формулировки «буржуй» было очень распространено в лексиконе городской бедноты.

Представители среднего класса, напротив, не упоминаются в этих свидетельствах. Действия толпы также дают понять, что ее участники не проявляли особого интереса к институтам среднего класса. В одном из примеров, приведенных выше, толпа тащила милиционера в Петроградский совет, а не во Временное правительство или городскую думу.

Из кого же состояла городская беднота? По данным переписи 1910 года, в Петрограде проживало 234 тысячи промышленных рабочих, 77 тысяч служащих, 52 тысячи транспортных рабочих, 25 тысяч официантов и поваров, 41 тысяча городских служащих, 58 тысяч ремесленников и 260 тысяч домашних слуг и дворецких¹⁷. К служащим Дэниел Орловски относит клерков, кассиров, бухгалтеров, сотрудников аптек, почт, телеграфов и железных дорог, руководителей среднего звена, муниципальных и государственных служащих, средний медицинский персонал, учителей и технических специалистов низшего звена [Orlovsky 1997]. Те, кого я определяю как городскую бедноту, располагаются за чертой низшей страты среднего класса. К ним, в частности, относятся ремесленники, низкооплачиваемый гостиничный персонал, уличные торговцы, извозчики, дворники, домашняя прислуга и неквалифицированные рабочие. Они не были объединены в профсоюзы. Городская беднота, безусловно, была частью

15 Об изменении языка обращения к людям см.: [Колоницкий 2012: 275—277].

16 Петроградский листок. 1917. 28 июля; Газета-копейка. 1917. 29 июля.

17 Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Ч. II. Распределение населения по группам занятий. Вып. I. Пг.: Изд. Гор. управы по Стат. отд-нию, 1914. С. 39.

«трудящихся масс», но в то же время она отличалась от промышленного пролетариата. Помимо постоянных и полупостоянных жителей, ряды городской бедноты пополняли сезонные рабочие, не имеющие документов, и неквалифицированные рабочие, ищущие работу. К ним следует добавить армию безработных. Численность городской бедноты, не состоящей в профсоюзах, превышала численность более организованных промышленных рабочих более чем в два раза, однако городская беднота в основном ускользала от анализа историков.

Другой важной группой, участвовавшей в самосудах, были солдаты. Дерзкие, бежавшие с фронта, бродили по улицам, и их вооруженное участие придавало самосудам насильственный характер. Другой группой участников, охотно присоединявшихся к самосудам и явно получавших от этого зрелища удовольствие, были хулиганы [Hasegawa 2017: 181—182].

Географическое распределение случаев самосудов показывает, что особенно часто они происходили вблизи рынков, в частности Апраксина, Сенного и Александровского рынков в Третьем Спасском подрайоне¹⁸. В тех частях этих районов, где преобладала городская беднота, также наблюдались частые случаи самосуда. Нередкими случаи самосуда были и в криминогенных районах Песков и Лиговки. В центре города и в рабочих районах, таких как Выборгский и Петергофский, случаев было зафиксировано немного [Ibid.: 180—181].

ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ

Как люди могли совершать подобные зверства? Для ответа на этот вопрос полезно обратиться к работам двух французских социологов начала XX века — Эмиля Дюркгейма и Гюстава Лебона¹⁹.

Дюркгейм утверждал, что первобытное общество объединяет «механическая солидарность», в то время как «органическая солидарность» служит клеем для развитого индустриального общества. Механическая солидарность обеспечивается репрессивными правилами и родственными узами, основанными на эмоциональной связи. Здесь сильное чувство коллективного сознания превосходит индивидуальные интересы. Органическая солидарность, напротив, обеспечивается не коллективным сознанием, а высокой степенью взаимозависимости, обусловленной разделением труда и опорой на организации.

Механическая солидарность не просто переходит в органическую и тем самым исчезает. Два вида солидарности могут сосуществовать. В развитом капиталистическом обществе преобладает органическая солидарность, но сохраняется и элемент механической солидарности. Отсюда следует, что, когда органическая солидарность атрофируется, заявляет о себе механическая солидарность (см.: [Clinard 1964; Durkheim 2014; Lewin 1989]). Именно это про-

18 Распределение по районам случаев самосудов, местонахождение которых известно, выглядит следующим образом: Спасский (20), Невский (10), Александро-Невский (9), Московский (8), Литейный (6), Васильевский (5), Петроградский (5), Коломенский (5), Рождественский (4), Выборгский (4), Казанский (3), Полостровский (2), Охтинский (1), Петергофский (2) [Hasegawa 2017: 308].

19 Полезным подходом для исследования самосуда является применение методологии психологических и исторических исследований толпы, разработанных Гюставом Лебоном, Жоржем Лефевром, Джоржем Руде, Чарльзом Тилли и др. Об этом см.: [Holton 1978].

изошло в Петрограде в 1917 году. Эпидемия самосудов может быть интерпретирована как обратный процесс модернизации — используя терминологию Дюркгейма, регресс от органической солидарности обратно к механической; процесс, который Моше Левин назвал «примитивизацией» [Lewin 1989].

Когда коллективное сознание, связывающее сообщество, ослабевает, утверждает Дюркгейм, «энергичная реакция на причину, угрожающую нам таким умалением, неизбежна: мы стремимся устранить ее для сохранения целостности нашего сознания» [Дюркгейм 1996: 105]. Далее социолог продолжает:

Но когда речь идет о дорогом нам веровании, мы не позволяем и не можем дозволить, чтобы на него безнаказанно замахивались. Всякое направленное против него оскорбление вызывает более или менее сильную реакцию, обращенную против оскорбителя. Мы восстаем, мы возмущаемся, мы на него за это сердимся, и поднятые таким образом чувства не могут не выразиться в поступках: мы его избегаем, мы держимся от него на расстоянии, мы изгоняем его из общества и т.д. [Там же: 106].

При механической солидарности наказание — это «страстная реакция», осуществляемая «ради наказания. Наказание, часто чрезмерное, не столько исправляет ошибку или корректирует неправильное поведение, сколько восстанавливает солидарность» [Durkheim 2014: 68]. Дюркгейм подчеркивает «единодушие» и роль «эмоций», которые они играют в насилии. Толпа собирается, устраивает «народный суд», единогласно выносит приговор, значительно превышающий тот, которого требовало преступление, и тем самым заглушает любое несогласие, оспаривающее солидарность, которую она сконструировала с помощью коллективных эмоций. Анализ Дюркгейма позволяет предположить, что самосуд был направлен на восстановление прав и возможностей толпы, беспомощной и бессильной во время революции.

Социальный психолог Гюстав Лебон рассматривал насилие толпы как одно из важных проявлений формирующегося массового общества. В толпе массового общества, толпе, обладающей неким коллективным сознанием, «индивид приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один» [Лебон 1995: 93; Le Bon 2002: 6]. Согласно Лебону, толпа характеризуется четырьмя признаками: анонимностью, заразительностью, внушаемостью и единодушием. Погружаясь в толпу, человек становится анонимным. Будучи анонимными, члены толпы менее склонны к сдержанности и ответственности. Это усиливает возможности заражения: «В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному» [Лебон 1995: 93; Le Bon 2002: 8]. Толпа также легко поддается внушению и готова «совершать известные действия с неудержимой стремительностью» [Le Bon 2002: 8]. Толпа ведет себя единодушно, поскольку несогласные голоса заглушаются и подвергаются нападкам. В толпе человек перестает быть самим собой, люди превращаются в автоматы, которые перестают руководствоваться собственной волей. Нахождение в толпе также придает индивидам ощущение власти, расширения их прав и возможностей. «В толпе дурак, невежда и завистник освобождаются от сознания своего ничтожества и бессилия, заменяющегося у них сознанием грубой силы, преходящей, но безмерной» [Лебон 1995: 103; Le Bon 2002: 22].

Описание Лебона как нельзя лучше иллюстрирует петроградское самосуды. Анонимность «толпы» усиливала страсти толпы и служила средством заражения. Толпа заглушала инакомыслие. Освобожденная анонимностью и наделенная властью консенсуса, она потворствовала таким жестокостям, на которые отдельные люди, эту толпу составляющие, никогда бы не пошли. Как только жертвы были принесены толпе, люди молча расходились [Le Bon 2002: 6–8, 22].

Большевики и самосуды

В сентябре 1917 года была опубликована статья Ленина «Русская революция и гражданская война», в которой он характеризовал эпизоды самосуда как «стихийные движения», свидетельствующие о недовольстве народа и его требованиях социалистической революции²⁰. Ленин приветствовал распад общества до состояния аномии, что создавало благоприятные условия для захвата власти большевиками.

После Октябрьской революции, несмотря на утопические представления большевиков о том, что социализм искоренит преступность, она не только возросла, но и стала более жестокой. Точных данных о преступности нет, но согласно газетным сообщениям, 31 ограбление было совершено в октябре до Октябрьской революции, 41 после нее, 42 в ноябре, 94 в декабре, также 94 в январе 1918 года, 137 в феврале и 101 в марте. По мере роста тяжких преступлений в газетах уже не оставалось места для освещения менее серьезных правонарушений, таких как карманные кражи и другие ненасильственные мелкие хищения²¹.

Частота и интенсивность самосудов значительно возросли после прихода к власти большевиков. В ноябре было зарегистрировано шесть случаев, в декабре — 11, в январе — 14, в феврале — 21 и два случая в марте²².

Один из таких случаев произошел 9 декабря. Женщина средних лет, ожидавшая трамвая у Невских ворот, заметила, что у нее пропал кошелек. Будучи уверенной, что его украли, она обвинила в краже подростка, стоявшего на трамвайной остановке. Толпа окружила юношу, но кошелек не нашла. Подростка все равно избили. Прибыли красногвардейцы, но вместо того чтобы прекратить насилие, они присоединились к толпе и помогли бросить подростка в ледяную Неву. Он попытался доплыть до берега, но один из красногвардейцев застрелил его, прежде чем он достиг берега реки. Затем толпа обыскала женщину и обнаружила, что ее кошелек завалился за подкладку шинели. Тогда разъяренная толпа бросила в реку и ее. Что стало с женщиной, неизвестно, а толпа после происшествия молча разбрелась²³.

20 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 217.

21 Эти данные основаны на материалах газет, выходивших нерегулярно из-за большевистской цензуры. Среди использованных газет: «Газета для всех», «Газета-друг», «Петроградский вестник», «Петроградская вечерняя почта», «Петроградский голос», «Петроградская газета», «Вечерний час».

22 Основано на материалах газет «Петроградский голос», «Петроградская жизнь», «Газета для всех», «Газета-Друг», «Вечерний час», «Вечерний звон» и «Красная газета».

23 Газета для всех. 1917. 10 декабря.

3 (16) февраля в «Новой петроградской газете» была опубликована статья «Очевидец», в которой автор отметил возмущение простых граждан, бросивших вора в Фонтанку, и подчеркнул значение самосуда как зрелища для простых людей, оказавшихся свидетелями. По имеющимся данным, в толпе было много женщин, в том числе группа хихикающих школьниц. Толпа смотрела на жертву в реке, вопрошая: «Неужели он утонет?» Автор был потрясен тем, что жертва не молила о пощаде. По его предположению, вор знал, что любые крики только еще больше спровоцируют толпу. Он отчаянно плыл к сваям моста. Очевидец писал:

Толпа, заполнившая оба берега реки, спокойно и внимательно наблюдала за борьбой грабителя за свою жизнь. Один мальчик бросил в жертву кусок льда со словами: «Не пускайте его на сваю». Мальчика никто не остановил. Больше всего меня поразила жуткая тишина в толпе.

В Древнем Риме преступников сталкивали с Тарпейской скалы. В Петрограде XX века вместо этого у нас есть Фонтанка. Жестокость толпы в Петрограде равна жестокости римских толп²⁴.

Максим Горький не стеснялся критиковать большевистский режим за эпидемии самосудов. 21 декабря он писал: «Уничтожив именем пролетариата старые суды, господа народные комиссары этим самым укрепили в сознании “улицы” ее право на “самосуд”, — звериное право»²⁵.

В конечном итоге самосуды стали вызывать серьезную озабоченность и у режима. В феврале «Известия» писали: «Самосуды — пятно на революции. Они позорят ее честь. ...не допускайте самосудов и решительно пресекайте их!»²⁶ «Красная газета» соглашалась с тем, что революция должна наказывать своих врагов, но утверждала, что насилию толпы нет места в революционном правосудии. Особенно газета сетовала на жестокие наказания, такие как четвертование и погружение в кипящую воду, о которых сообщалось в некоторых провинциальных городах. Враги революции заслуживали наказания лишь методами, подобающими новому просвещенному государству²⁷.

16 февраля (1 марта) нарком юстиции Исаак Штейнберг объявил самосуд «контрреволюционным». До революции большевики воспринимали самосуд как выражение народного гнева. Отныне же каждый, кто был уличен в самосуде, направлялся не в созданный большевиками уголовный суд, а в другое, новое для российской уголовной юстиции учреждение — трибунал по борьбе с контрреволюцией²⁸. Большевистская власть, не справлявшаяся с преступностью, постановила расстреливать пойманных преступников на месте. Участники самосуда получали аналогичное наказание. После этой драконовской меры, принятой новой властью, в марте было зафиксировано всего два случая самосуда.

Большевистскому режиму не удалось создать эффективную полицейскую систему, сдерживающую рост преступности, самосудов и ужасающих пьяных

24 Новая петроградская газета. 1918. 3 (16) февраля. Также см.: *Томский О.* Петроград в эти дни: кровожадная публика // *Вечерний час.* 1917. 14 декабря.

25 *Горький М.* Несвоевременные мысли... С. 21.

26 *Известия.* 1918. 9 января.

27 *Красная газета.* 1918. 15 марта.

28 *Петроградское эхо.* 1918. 16 февраля.

погромов. В конечном итоге режим был вынужден передать борьбу с преступностью и самосудами в ведение внеправового органа — ЧК. Таким образом, можно сказать, что самосуд стал одним из важных шагов большевиков по созданию тоталитарной полицейской системы.

Пер. с англ. Анастасии Евнушиановой

Библиография / References

- [Аксенов 2002] — *Аксенов В.Б.* Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
- (*Aksenov V.B.* Povsednevnaya zhizn' Petrograda i Moskvy v 1917 godu: PhD Thesis. Moscow, 2002.)
- [Дюркгейм 1996] — *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996.
- (*Durkheim É.* De la division du travail social. Moscow, 1996. — In Russ.)
- [Ерещенко 2003] — *Ерещенко Д.Ю.* Преступность в Петрограде в 1914—1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- (*Ereshchenko D.Yu.* Prestupnost' v Petrograde v 1914—1917 gg.: PhD Thesis. Saint Petersburg, 2003.)
- [Колоницкий 2012] — *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012.
- (*Kolonitskij B.I.* Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniyu politicheskoy kul'tury Rossiyskoy revolyutsii 1917 goda. Saint Petersburg, 2012.)
- [Лебон 1995] — *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
- (*Le Bon G.* Les Lois Psychologiques de l'Évolution des Peuples; La Psychologie des Foules. Saint Petersburg, 1995. — In Russ.)
- [Мусаев 2000] — *Мусаев В.И.* Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и гражданской войны / Отв. ред. В.А. Шишкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- (*Musaev V.I.* Petrograd na perelome epokh: gorod i ego zhiteli v gody revolyutsii i grazhdanskoj vojny / Ed. by V.A. Shishkin. Saint Petersburg, 2000.)
- [Мусаев 2001] — *Мусаев В.И.* Преступность в Петрограде в 1917—1921 гг. и борьба с ней. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
- (*Musaev V.I.* Prestupnost' v Petrograde v 1917—1921 gg. i bor'ba s ney. Saint Petersburg, 2001.)
- [Николаев 2015] — *Николаев А.Б.* Домовладельцы перед временным судом (Петроград, весна — лето 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. науч. статей / Отв. ред. и сост. А.Б. Николаев. СПб.: [Б.и.], 2015. С. 139—155.
- (*Nikolaev A.B.* Domovladel'tsy pered vremennym sudom (Petrograd, vesna — leto 1917 g.) // Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novyye podkhody i vzglyady: Sb. nauch. statey / Ed. and comp. by A.B. Nikolaev. Saint Petersburg, 2015. P. 139—155.)
- [Николаев 2017] — *Николаев А.Б.* Временные суды в Петрограде (март — июль 1917 г.): взлет и падение // Эпоха войн и революций: 1914—1922. Материалы международного colloквиума / Ред. Б.И. Колоницкий. СПб.: Нестор-история, 2017. С. 87—99.
- (*Nikolaev A.B.* Vremennyye sudy v Petrograde (mart — iyul' 1917 g.): vzlet i padenie // Epokha voyn i revolyutsiy: 1914—1922. Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma / Ed. by B.I. Kolonitsky. Saint Petersburg, 2017. P. 87—99.)
- [Хасегава 2001] — *Хасегава Ц.* Государственность, общественность и классовость: преступление, полиция и государство во время Русской революции в Петрограде // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей / Под ред. Г. Бордюгова. М.: АиРО-XX, 2001. С. 218—246.
- (*Hasegava T.* Gosudarstvennost', obshchestvennost' i klassovost': prestuplenie, politiya i gosudarstvo vo vremya Russkoy revolyutsii v Petrograde // Novyy mir istorii Rossii. Forum yaponskikh i rossiyskikh issledovateley / Ed. by G. Bordyugov. Moscow, 2001. P. 218—246.)

- [Clinard 1964] — *Clinard M.* Theoretical Implications of Anomie and Deviant Behavior // *Anomie and Deviant Behavior: A Discussion and Critique* / Ed. by M. Clinard. New York: Free Press, 1964. P. 1—56.
- [Durkheim 2014] — *Durkheim E.* The Division of Labor in Society / Ed. by S. Lukes. New York: Free Press, 2014.
- [Hasegawa 2017] — *Hasegawa T.* Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd. Cambridge, Mass.: Belknap Pres of Harvard University Press, 2017.
- [Holton 1978] — *Holton R.* The Crowd in History: Some Problems of Theory and Method // *Social History*. 1978. Vol. 3. No. 2. P. 219—233.
- [Le Bon 2002] — *Le Bon G.* The Crowd: A Study of the Popular Mind. Mineola, N.Y.: Dover, 2002.
- [Lewin 1989] — *Lewin M.* The Civil War: Dynamics and Legacy // *Party, State, and Society in the Russian Civil War* / Ed. by D. Koenker. Bloomington: Indiana University Press, 1989. P. 263—289.
- [Orlovsky 1997] — *Orlovsky D.* Lower Middle Strata in Revolutionary Russia // *Critical Companion to the Russian Revolution* / Ed. by E. Acton, V. Cherniaev, W. Rosenberg. London: Arnold, 1997. P. 248—268.